

следствии стало называться классицизмом, хотя сами, конечно, этого не подозревали».¹³

Павлу Наумовичу появление и самое существование русского классицизма всегда представлялось историческим фактом огромного общекультурного значения, важнейшим звеном «процесса вхождения русской литературы в общеевропейское литературное развитие».¹⁴

Не ставя себе целью характеристику явлений барокко в русской литературе середины XVIII в., Павел Наумович подкрепляет свою точку зрения на отношение Ломоносова к барокко анализом его теоретических высказываний, ранее в этой связи не привлекавших внимания исследователей. Я имею в виду те слова Ломоносова в «Риторике», в которых Павел Наумович видел прямое осуждение Ломоносовым «основного принципа поэтики барокко» — так называемого кончетизма. Как указывает Павел Наумович, Ломоносов в 130 параграфе «предупреждает своих читателей о необходимости соблюдения чувства меры при „изобретении витиеватых речей“, т. е. предлагает избегать того, что в конечном счете составляет существо, душу барокко как искусства маньеризма. „Но сие показываем, — пишет Ломоносов, — не с таким намерением, чтобы учащиеся меры не знали и последовали бы нынешним италиянским авторам, которые, слясь писать всегда витиевато и не пропустить ни единой строки без острой мысли, нередко замираются“».¹⁵

Столь резкое выступление Ломоносова против кончетизма, то есть против одного из основных стилистических принципов барокко, отмеченное Павлом Наумовичем в этой статье, чрезвычайно существенно, ибо остроумие и острый разум действительно являются боевыми лозунгами самых видных теоретиков барокко. Вышедшая в 1969 г. статья И. Н. Голенищева-Кутузова «Барокко и его теоретики»¹⁶ содержит очень интересную сводку высказываний теоретиков испанского и итальянского барокко, для которых остроумие, острый ум, неожиданность сопоставления отдаленнейших предметов и явлений является главным принципом искусства,¹⁷ его основным эстетическим законом, тогда как Ломоносов в 146-м параграфе «Риторики» писал, что, гоняясь за остроумием, «охотники до замысловатых предложений» остерегались бы не завратиться «для того, что они меньше стараются о важных и зрелых предложениях, о увеличении слова чрез распространения или о движении сильных страстей, нежели о витийстве».¹⁸

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, с. 32.

¹⁵ Там же, с. 22.

¹⁶ См. в кн.: XVII век в мировом литературном развитии. М., 1969, с. 102—153.

¹⁷ Там же, с. 140—145.

¹⁸ Берков П. Н. Проблема литературного направления Ломоносова, с. 22.